

Д. Г. Савинов

**ИЗ ИСТОРИИ УБРАНСТВА ВЕРХОВОГО КОНЯ
У НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ (II ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ н. э.)**

В жизни скотоводческих народов Евразии особое значение имел верховой конь, снаряжению которого всегда уделялось большое внимание. Наиболее удачное решение деталей конской упряжи, быстро распространяясь в близкой культурно-хозяйственной среде, постепенно доводилось до совершенства и затем уже не менялось. Поэтому мы говорим о традиционности убранства верхового коня, генезис которого у современных народов Южной Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов, бурят) восходит к отдаленным историческим эпохам, во всяком случае к древнетюркскому времени.

Основные закономерности развития предметов снаряжения верхового коня (седла, стремян, удила и псалий) освещались в целом ряде исследований¹. В этих работах показано, как последовательно складывалось убранство верхового коня. Наименее разработанным остается период начала II тысячелетия н. э., хотя важность его изучения несомненна — генезис явления в целом невозможно себе представить без материалов позднего средневековья.

Наиболее важной деталью снаряжения верхового коня и в настоящее время является седло, состоящее, как известно, из жесткой основы (лук и полук), стремян, дополнительных элементов и кожаных частей. В древнетюркское время в Южной Сибири складывается определенный тип седла со сравнительно невысокими наклонными луками, имеющими внизу выемку по ширине расстояния между верхними краями полук. Для того чтобы седло удобно лежало на спине коня, основания луков делались полыми, а полки (в разрезе) плавно изогнутыми с двумя вырезами по краям и широкой округлой лопастью посередине. Крепились полки с внутренней стороны луков при помощи ремешков через отверстия, видимые с лицевой стороны луков. Иногда луки (и значительно реже полки) украшались костяными обкладками и кантами. Самое раннее седло этого типа из-

¹ G. Laszlo. Der Grabfund von Koronco und der althungarische Sattel.— «Archaeologia Hungarica», t. XXVII, 1943; А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., 1965, стр. 80—87; С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве).— «Сов. этнография», 1966, № 3, стр. 67—74; К. У. Кõhalmi. Two saddle finds from Western Mongolia.— «Acta Archaeologica», t. 20, fasc. 4, 1968, p. 348—358; И. Л. Кызласов. О происхождении стремян.— «Сов. археология», 1973, № 3, стр. 24—36; А. К. Амброс. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.).— «Сов. археология», 1973, № 4, стр. 81—98; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 527, 528, 552, 579 и др.; его же. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1961, стр. 48, 49; Л. А. Евтюхова. Стремя танской эпохи из Уйбатского чаа-гаса.— «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (далее — КСИИМК), вып. XXIII, М., 1948, стр. 40—44; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960, стр. 140; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966; А. Н. Кирпичников. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— «Свод археологических источников», вып. Е 1—36, Л., 1973.

вестно сейчас по изображению оседланной лошади на одной из деревянных пластин из таштыкского склепа у горы Тепсей в Минусинской котловине². Наибольшее распространение такие седла получают в древнетюркское время. Реконструкции этого типа седла приведены в работах С. И. Вайнштейна³.

«На рубеже первого и второго тысячелетий, — пишет С. И. Вайнштейн, — на основе жестких седел с лопастями вырабатываются новые формы, в которых твердая лопасть повсеместно исчезает (полки в нижней части становятся прямыми, а луки более массивными и высокими)»⁴. А. А. Гаврилова тоже считает, что на позднем кудыргинском седле «древняя традиция сохраняется лишь в прикреплении луки через отверстие, видные с лицевой стороны. Изменяется форма луки; лука становится более массивной, расширяющейся у основания, более устойчивой, выемка внизу увеличивается»⁵. В результате этих изменений в XIII—XIV вв. появляется седло монгольского типа с высокими массивными луками, поставленными на полки с прямым нижним краем.

Имеющийся в настоящее время фактический материал позволяет воссоздать процесс перехода от седла древнетюркского времени к монгольскому. В памятниках Тувы и Минусинской котловины XI—XII вв. из-за существовавшего здесь в это время обряда трупосожжения деревянные части седла не сохранились, зато обычной находкой являются железные оковки и канты лук и полок⁶. Великолепные серебряные обкладки были найдены в могиле 3 на Часовенной горе в Красноярске (XII—XIII вв.)⁷. В могилах Горного Алтая⁸ и Прибайкалья⁹ сохранились деревянные части седла (XIII—XIV вв.). Большой интерес представляют два седла из Западной Монголии (Кобдо). Одно, сохранившееся целиком вместе с кожаными и деревянными частями, найдено при случайных обстоятельствах; другое обнаружено в комплексе, относящемся, судя по наконечникам стрел, к началу II тысячелетия н. э.¹⁰

Из всех этих седел наиболее показательно часовенногорское. В яме, расположенной рядом с могилой 3, было найдено всего 12 обкладок — 4 боковых канта, 4 лицевых обкладки от лук и 4 обкладки полок¹¹. Очевидно, они представляют собой остатки не одного, как принято было думать, а двух седел разных типов. Одно из них имело высокие подтреугольные луки — от него сохранились две выпуклые лицевые обкладки верхних частей лук с неорнаментированным краем (рис. 1), другое — с широкими округлыми луками¹². К нему относятся все остальные 10 об-

² Информацию об этом памятнике см.: М. П. Грязнов, М. Н. Комарова. Раскопки у горы Тепсей на Енисее. — В сб. «Археологические открытия 1968 года», М., 1969, стр. 177—179.

³ С. И. Вайнштейн. Памятники второй половины I тыс. н. э. в Западной Туве. — «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР» (далее — Тр. ТКАЭН), т. II, М.—Л., 1966, рис. 40, 41. См. также «История Тувы», т. I, М., 1964, рис. на стр. 100.

⁴ С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, стр. 71.

⁵ А. А. Гаврилова. Указ. раб., стр. 85, 86.

⁶ Л. Р. Кыласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 110—112.

⁷ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. — «Материалы по этнографии», № 4, вып. 2, Л., 1929, табл. № 67; *его же*. Зарисовки и фотографии предметов раскопок и экспонатов музея по Минусинскому краю (1923—1925 гг.). — Государственный музей этнографии народов СССР (далее — ГМЭ), ф. 3, оп. 1, № 53.

⁸ А. А. Гаврилова. Указ. раб., табл. XXVII, рис. 13.

⁹ С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, рис. 8. Другие известные по описаниям седла из погребений поздних кочевников Прибайкалья пока не опубликованы.

¹⁰ К. У. Кьһалтмї. Указ. раб., рис. 6—8.

¹¹ Гос. Эрмитаж, колл. 1931, № 53—64.

¹² Под «широкими округлыми луками» имеются в виду луки, ширина основания которых больше или равна высоте, с округлым верхом и преимущественно вогнутыми сторонами; под «подтреугольными высокими луками» — луки, высота которых превышает ширину основания, с заостренной верхней частью и сторонами, близкими к прямым.

кладок, орнаментированных по краю цепочкой жемчужин: 2 лицевых и 4 боковых от лук, а также 4 от выступающих концов полков, передних и задних (рис. 2). Взаимное положение обкладок в могиле, как и вообще многих непаспортизованных предметов из комплекса Часовенной горы, остается неясным.

Полный набор обкладок лук и полков позволяет достаточно точно восстановить устройство жесткой основы седла с широкими округлыми луками. Луки здесь были одинаковых очертаний, но передняя несколько выше и уже, задняя — ниже и шире. Формы лицевых обкладок и деревянных частей лук не совпадали — обкладки плавно сужались к внутренней точке касания лук и полков, а широкие основания лук оставались недекорированными. Выступ в нижней части лук покрывался выпуклыми частями лицевых обкладок.

Ширина основания лук должна была соответствовать ширине полков, а толщина совпадала с длиной нижнего края боковых обкладок или кантов удлиненно-трапецевидной формы, располагавшихся изогнутыми сторонами внутрь седла. Так как нижняя сторона боковых обкладок параллельна верхнему краю полков, то угол их наклона показывает и степень наклона лук. Таким образом, передняя лука имела небольшой наклон вперед, а задняя была сильно наклонена назад, так что выступ здесь, вероятно, являлся своего рода основанием, на котором покоилась эта лука. Полки были плоские, с ровным верхним краем. Нижний их край сначала шел параллельно верхнему, а затем плавно переходил в широкую округлую лопасть, занимавшую всю переднюю часть полки. Наружные плоскости полков, выходящие за основания лук, были покрыты плоскими серебряными обкладками (рис. 3). Верхние торцевые части лук были отделаны «медными тиснеными кантами, украшенными выпуклыми точками с отверстиями для прибивания»¹³.

В таком реконструированном седле имеется ряд старых элементов, связанных с древнетюркским временем, а также новых, не встречавшихся ранее. К более раннему периоду восходят округлые лопасти, целиком сдвинутые теперь к переднему краю, выступ вокруг выемки в нижней части лук, заостренные концы лицевых обкладок, в принципе повторяющие контур лук древнетюркского времени, сама система украшения лук и полков орнаментированными обкладками. Новой была форма широких округлых лук с устойчивым основанием, плоские полки, по очертаниям приближающиеся к прямым, и система их крепления, при которой луки не привязываются, а ставятся на полки.

Такое же седло, как показывают многочисленные материалы из погребений Тувы и Минусинской котловины, существовало в Южной Сибири и в XI—XII вв. Серебряные обкладки лицевых сторон лук найдены в

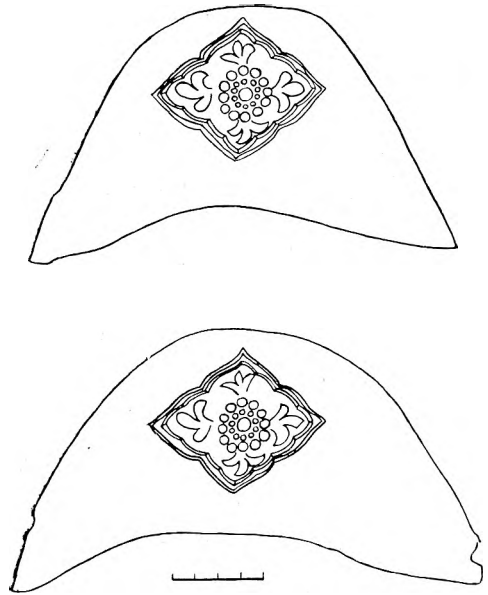

Рис. 1. Обкладки высоких подтреугольных лук (серебро). Часовенная гора, могила 3 (Гос. Эрмитаж, колл. 1931, № 55, 56)

¹³ А. А. Гаврилова. Указ. раб., стр. 73.

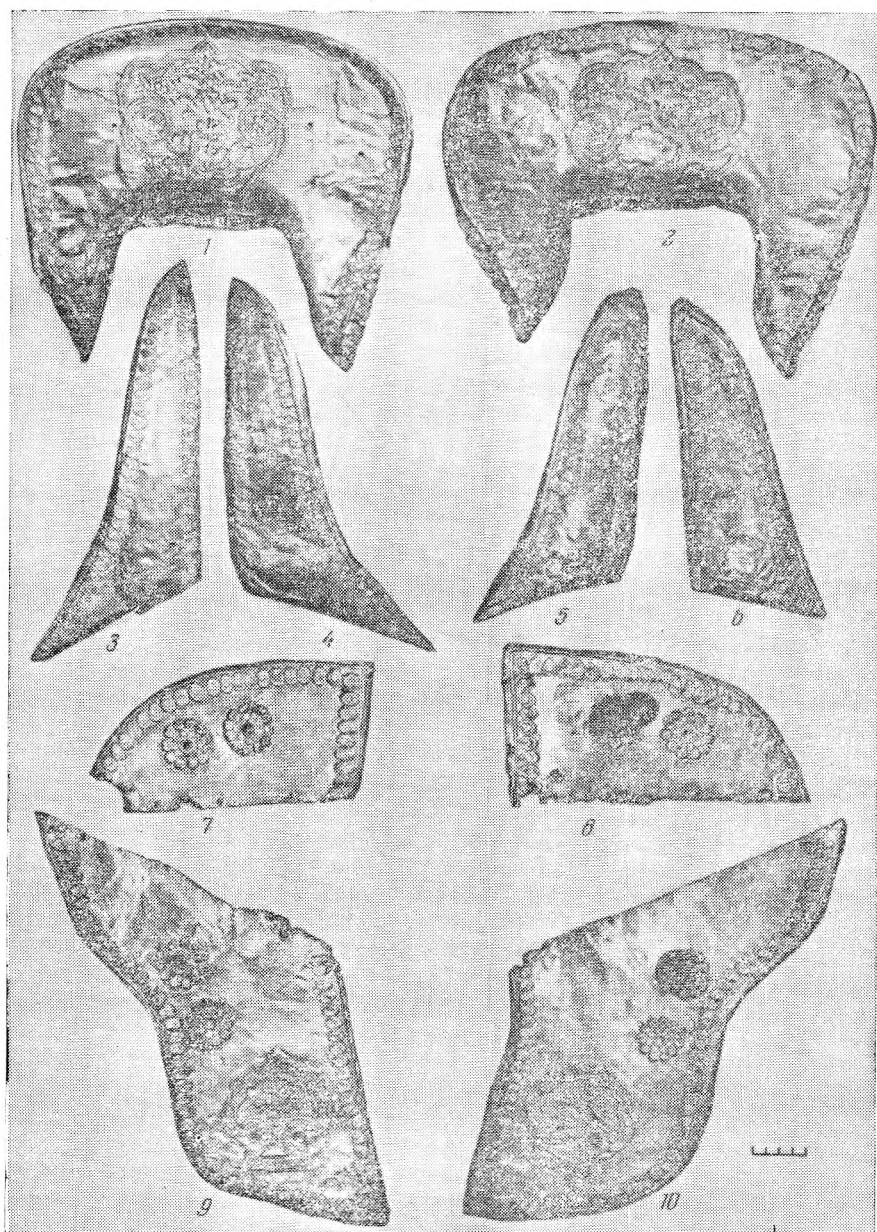

Рис. 2. Обкладки от седла с широкими округлыми луками, Часовенная гора, могила 3 (Гос. Эрмитаж, колл. 1931, № 53, 54, 57—64): 1, 2 — лицевые обкладки; 3, 4 — боковые обкладки передней луки; 5, 6 — боковые обкладки задней луки; 7, 8 — обкладки передних выступов полок; 9, 10 — обкладки задних выступов полок (серебро)

Туве¹⁴, полный набор оковок и кантов, в точности повторяющих все особенности часовенногорского седла с широкими округлыми луками, найден в Каменке V в Минусинской котловине¹⁵ и т. д.

¹⁴ Раскопки А. Д. Грача, 1970 г. См. А. Д. Грач, Ю. И. Трифонов, Г. В. Длужневская, И. У. Самбу. Работы Саяно-Тувинской экспедиции.— В сб. «Археологические открытия 1970 года», М., 1971, стр. 182.

¹⁵ Раскопки Я. А. Шера, 1967 г. См. Я. А. Шер, Д. Г. Савинов, Н. Л. Подольский, С. Г. Кляшторный. Курганы и писаницы правобережья Енисея.— В сб. «Археологиче-

Восстановить жесткую основу второго седла из Часовенной горы при наличии только двух лицевых обкладок трудно. Ясно только, что они увенчивали выпуклую верхнюю часть высоких подтреугольных луков. Форма эта не новая для Южной Сибири — она встречается в памятниках XI—XII вв., главным образом в Туве. Так, седло из Малиновки, судя по обкладкам, имело очень высокие дугообразные луки¹⁶. Обкладки покрывали здесь только самую верхнюю часть луков, а по бокам спускались в виде тонких расходящихся пластин с фигурным окончанием (рис. 4, 4). Такого же типа обкладки были найдены И. У. Самбу на Ортаа-Хеме. Они имеют почти треугольную форму и состоят из двух скрепленных между собой пластин. Расстояние между пластинами позволяет восстановить здесь толщину луков: в верхней части они были тонкими (до 1 см), а затем расширялись к месту крепления с полками (рис. 4, 1)¹⁷. Такие же обкладки имеются и в собрании Минусинского музея (рис. 4, 2, 3)¹⁸. Система крепления луков и полок на седлах с высокими подтреугольными луками, очевидно, была аналогичной седлам с широкими округлыми луками. Косвенным доказательством этого служит зафиксированное обкладками утолщение в нижней части ортаа-хемских луков, благодаря чему луки могли быть только поставлены на полки.

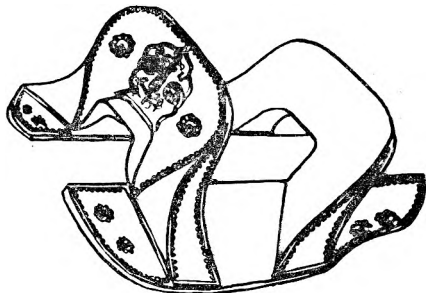

Рис. 3. Жесткая основа седла с широкими округлыми луками из могилы 3 Часовенной горы (реконструкция)

Оба типа седла — с округлыми и подтреугольными луками — сосуществовали в начале II тысячелетия н. э.

Сопоставление седел древнетюркского времени и начала II тысячелетия н. э. позволяет воссоздать схему эволюции формы луков и полоков (рис. 5). Причина этих изменений лежит скорее в области «технологического» поиска оптимальных решений, что, естественно, не исключает влияния и использования различных этнических традиций. Однако трудноуловимые в настоящее время процессы аккультурации эпохи средневековья не дают возможности говорить об этих традициях более или менее конкретно. Скорее всего, в каждом экземпляре седла следует видеть вариант определенной типовой модели, характерной для данного исторического периода на широкой территории и на уровне технических возможностей своего времени. На древнетюркских седлах при употреблении больших полоков, имеющих округлые твердые лопасти и находящихся с внутренней стороны луков, значительная часть веса всадника и снаряжения приходилась на бока лошади, что не могло не влиять на ее ходовые качества. Для того чтобы избежать давления луков на полки, а полоков на бока лошади, следовало изменить сам принцип крепления луков и полоков — не привязывать, а ставить луки на полки. Прежние луки из тонких дощечек были для этого непригодны. Поэтому их стали делать массивнее, нижнюю часть крыльев луков отгибали, благодаря чему она превратилась в широкое устойчивое основание. Это освободило верхнюю часть луков — она стала более высокой, конструктивно уже не была связана с полками и служила в основном предметом декоративного убранства. Появление широ-

ские открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 151. В тексте сообщения допущена опечатка: вместо VI—II вв. до н. э. следует читать XI—XII вв. н. э.

¹⁶ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века, табл. III, № 94.

¹⁷ И. У. Самбу. Исследование могильников Ортаа-Хем I и II.— В сб. «Археологические открытия 1967 года», М., 1968, стр. 173.

¹⁸ Минусинский музей им. Н. М. Мартянова (далее — ММ), колл. 7382, 7776.

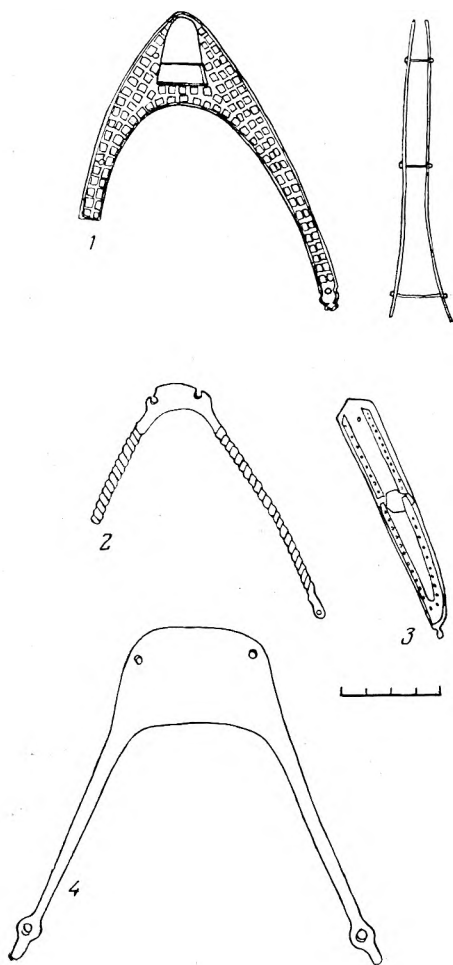

Рис. 4

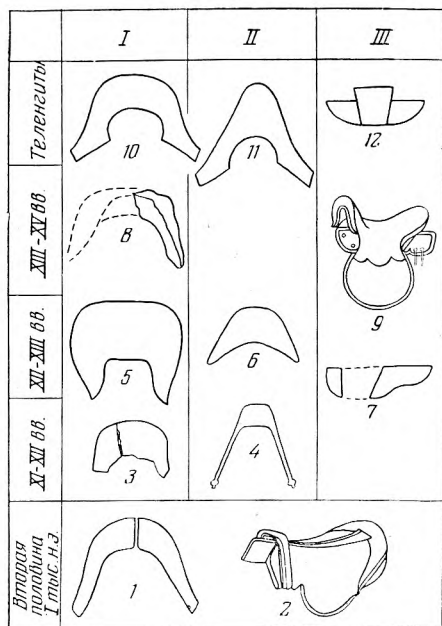

Рис. 5

Рис. 4. Обкладки высоких подтреугольных лук из памятников Южной Сибири XI—XII вв.: 1, 4 — Тува, 2, 3 — Минусинская котловина. 1 — Демир-Суг (раскопки И. У. Самбу, 1970 г.); 2 — ММ, колл. 7682; 3 — ММ, колл. 7776; 4 — Малиновка, к. 1 (по Л. Р. Кызласову)

Рис. 5. Схема изменения лук и полок во второй половине I—II тысячелетия н. э.: I — развитие широких округлых лук, II — развитие высоких подтреугольных лук, III — развитие полок. 1 — Кудыргэ, могила 9 (по А. А. Гавриловой); 2 — Кокэль (по С. И. Вайнштейну); 3 — Ортаа-Хем (раскопки И. У. Самбу, 1967 г.); 4 — Малиновка, к. 1 (по Л. Р. Кызласову); 5—7 — Часовенная гора, могила 3 (Гос. Эрмитаж, колл. 1931); 8 — Кудыргэ, могила 17 (по А. А. Гавриловой); 9 — монгольское седло XIII—XV вв. (с картины анонимного художника, по Г. Ласло; изображение перевернуто справа налево); 10—12 — современное теленгитское седло

кого основания лук позволило сблизить полки и положить их на спину коня. Это в свою очередь сделало ненужным и невозможным применение широких округлых лопасти. Как установил С. И. Вайнштейн, их заменили кожаным чепраком¹⁹, но не сразу, а постепенно. На часовенногорском седле и его аналогах XI—XII вв. твердая лопасть еще сохранилась в качестве пережиточного элемента. Интересно седло из Кара-Булунского могильника на Тянь-Шане, где типично древнетюркские луки сочетаются с прямыми полками, имеющими на задних концах небольшую

¹⁹ С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, стр. 71, 72.

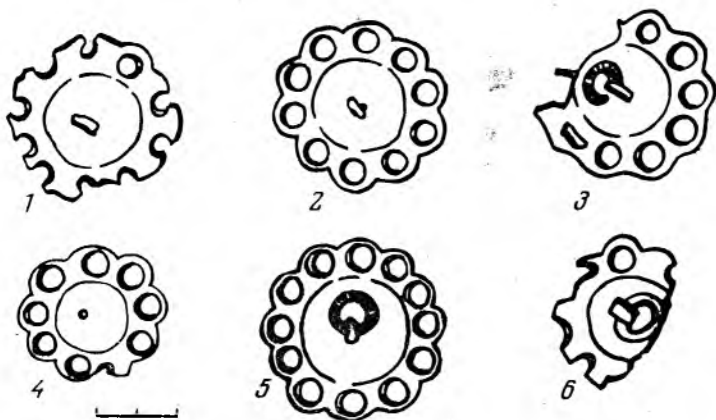

Рис. 6. Круглые седельные кольца с ажурным краем из погребений XI—XIII вв.: 1—5 — Минусинская котловина, 6 — Красноярск. 1—3 — ММ, колл. 3396, 3398, 7630; 4 — ГИМ, колл. 49439; 5 — Каменка V (раскопки Я. А. Шера, 1967 г.); 6 — Часовенная гора, могила 2 (Гос. Эрмитаж, колл. 1931) (железо)

выемку²⁰. Такая же выемка сохранилась на седлах XIII—XV вв., известных по изображениям времени Юаньской династии²¹. Оформление полок-досок с прямым нижним краем относится, таким образом, к еще более позднему времени.

Обязательным дополнительным элементом седла предмонгольского времени были седельные кольца для крепления тороков. Единичные их находки относятся еще к концу I тысячелетия н. э.²² В начале II тысячелетия н. э. по краю каждой полки крепилось четное число колец. Расположение их хорошо видно на седле из Западной Монголии — по два на передних и по три на задних выступающих концах полок²³. Приблизительно столько же колец находят в погребениях²⁴. Устройство всех колец в принципе одинаково — кольцо с прокладкой у основания и пробоем с загнутыми с обратной стороны полки концами. А. А. Гаврилова уже отмечала, что по длине пробоя можно установить толщину полок — 2 см²⁵. Варьируют в основном формы прокладок. Для Тувы и Горного Алтая более характерны квадратные прокладки и в виде четырехлистника, а для Минусинской котловины — эсвидные. На некоторых, очевидно парадных, седлах²⁶ кольца с выпуклыми круглыми прокладками и ажурным краем крепились также симметрично и попарно на передней стороне луки (рис. 6). Вероятно, они имели в основном декоративное значение, так как само кольцо на них слишком мало и по расположению неудобно для крепления тороков.

Седла с жесткой основой возникли и развивались вместе со стременами. Однако в отличие от седел развитие стремян на южносибирском

²⁰ А. К. Кибиров. Работы Тянь-Шаньского археологического отряда. — «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVI, М., 1957, рис. 3.

²¹ К. У. Кõhalmi. Указ. раб., рис. 3; G. Laszlo. Указ. раб., Abl. 56.

²² Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. — «Сов. археология», 1960, № 3, рис. 13; Л. Г. Нечаева. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты. — Тр. ТКЭАН, т. II, М., 1966, рис. 9.

²³ К. У. Кõhalmi. Указ. раб., рис. 8.

²⁴ В Часовенной горе — 8; в Яконуре, к. 1, погр. А-8 (Гос. Эрмитаж, колл. 1554, № 15, 20—24, 18, 26); в позднем комплексе Кудыргэ-10 (А. А. Гаврилова. Указ. раб., табл. XXVI, № 1—9).

²⁵ А. А. Гаврилова. Указ. раб., стр. 46.

²⁶ На седле из могилы 3 Часовенной горы (С. А. Теплоухов. Указ. раб., табл. № 67) эти кольца в настоящее время не сохранились.

материале специально не изучалось. В конце I тысячелетия н. э. здесь были распространены два основных типа стремян — с петельчатой и пластинчатой дужкой, но ясно, что в эти два типа укладывается большое число вариантов, пока не выделенных. В VIII—IX вв. в Саяно-Алтае развивались стремяна с высокой пластинчатой дужкой с закраинами и горизонтальной прорезью для путлища в нижней части дужки. В памятниках сросткинской культуры IX—X вв. на Северном Алтае и в Восточном Казахстане стремяна с пластинчатой дужкой имеют низкую, часто сливающуюся с абрисом стремени пластину без закраин и выделенной шейки²⁷. В начале II тысячелетия н. э. повсеместно распространились стремяна с отверстием для путлища в самой дужке. Они сразу и на очень большой территории вытеснили стремяна всех предшествующих типов. Возможно, этот тип стремян типологически связан со сросткинскими стремянами с невыделенной пластиной. Промежуточное положение между ними занимают стремяна из могильника Эйлиг-Хем в Центральной Туве²⁸ и Яконур, к. 1, погр. А в Горном Алтае²⁹, относящиеся к X—XI вв., на которых пластина с продольным отверстием для путлища в нижней части дужки уже почти сливается с абрисом самого стремени. Приблизительно таким же образом «от обособленной дужки через небольшой прямоугольный, треугольный, а затем круглый выступы — к простому расплющиванию верхней части дужки для прорези» рассматривал развитие восточноевропейских стремян Г. А. Федоров-Давыдов³⁰.

Наиболее подробно, в основном благодаря исследованию А. А. Гавриловой, разработана типология южносибирских удил и псалий. А. А. Гаврилова рассматривает развитие удил со стержневыми и кольчатыми псалиями как параллельные процессы, протекавшие на протяжении всего древнетюркского времени и обусловленные одними и теми же конструктивными изменениями в способах крепления ремней повода и оголовья³¹. Однако для Южной Сибири характерны главным образом стержневые псалии, а удила с кольчатыми псалиями появляются sporadически только во второй половине I тысячелетия н. э. Известны всего три экземпляра таких удил, причем все они отличаются достаточно свободными внешними кольцами³². Наиболее ранние удила с большими внешними кольцами, зажатые в окончаниях звеньев удил, — сросткинские (IX—X вв.)³³. Без значительных изменений эти удила бытовали и позднее. Принципиальной разницы между сросткинскими удилами с большими внешними кольцами и удилами из памятников Тувы, Минусинской котловины или Забайкалья начала II тысячелетия н. э. нет. Более разнообразными становятся лишь размеры и форма внешнего кольца — круглые в сечении, плоские, кольца-пластины, кольца с изогнутыми отростками и т. д. (рис. 7, 1—6).

Несколько иначе происходило развитие удил со стержневыми псалиями. Для VIII—IX вв. А. А. Гаврилова выделяет три их типа — киргизский, раннесросткинский и переходный. Общая их характерная особен-

²⁷ М. П. Грязнов. Древняя история племен Верхней Оби. — МИА, № 48, М. — Л., 1956, табл. LV, № 22, 24; Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). — В сб. «Новое в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968, стр. 98—111.

²⁸ Раскопки А. Д. Грача, 1965 г. (А. Д. Грач. Исследование могильников Улуг-Оймак и Улуг-Хорум. — В сб. «Археологические открытия 1965 года», М., 1966, стр. 51).

²⁹ Раскопки М. П. Грязнова, 1939 г. (Гос. Эрмитаж, колл. 1554, № 16).

³⁰ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. раб., стр. 15.

³¹ А. А. Гаврилова. Указ. раб., стр. 80—84, рис. 15, 16.

³² Капчалы II, к. II (В. П. Левашова. Два могильника киргыз-хакасов. — МИА, № 24, М., 1952, рис. 5, № 44); Курай VI, к. 1 (Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев. Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 году. — «Труды Государственного Исторического музея», т. XVI, М., 1941, рис. 24); Кызыл-Булак, к. 139 (раскопки С. А. Теплоухова, 1929 г., см. также: Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века, табл. III, № 165).

³³ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, табл. V, № 23. Сросткинский могильник (раскопки М. Н. Комаровой, 1925 г.; Гос. Эрмитаж, колл. 4381, № 7) и др.

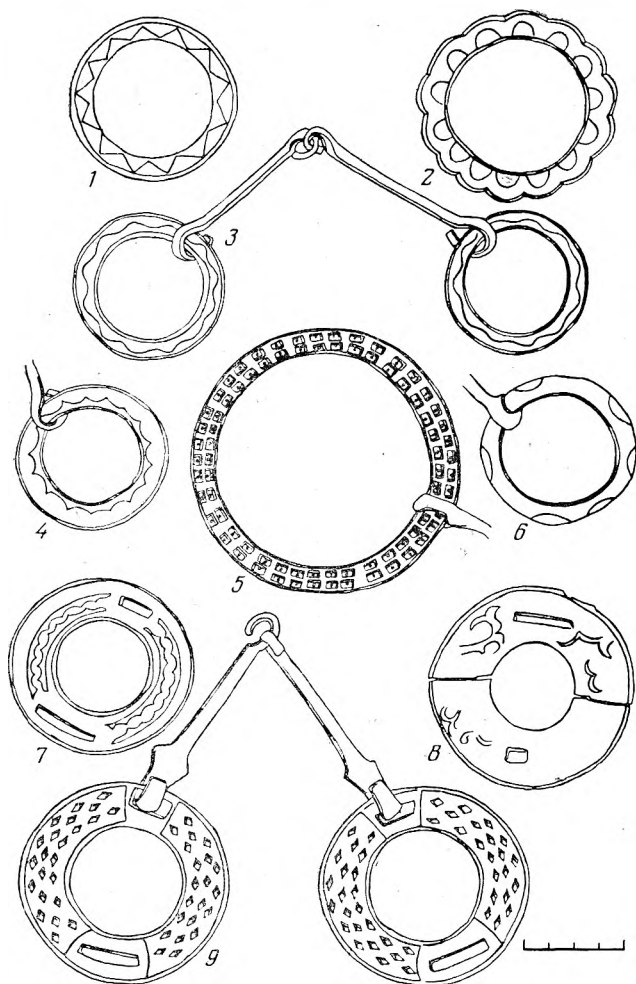

Рис. 7. Круглые псалии XI—XIII вв. из Минусинской котловины: 1, 2, 4, 5, 7—9 — ММ, колл. 7753, 7030, 6318, 6376, 6316; 3 — ГИМ, колл. 49439; 6 — Абакан, набережная (по А. Н. Липскому). Железо с золотой и серебряной обкладкой

ность — двукольчатые удила с восьмеркообразными внешними кольцами на каждом звене³⁴. Во внутреннее кольцо окончания удила вставлялся псалий со скобой для крепления ремня оголовья, чаще всего эсовидной формы, во внешнее — дополнительное кольцо для повода. Псалии имели зооморфные окончания. Их концы оформлялись также в виде листа или сапожка. Отдельные экземпляры удила со стержневыми псалиями встречаются и в памятниках самого начала II тысячелетия н. э. (типа Эйлиг-Хем III)³⁵. Завершающим этапом развития стержневых псалий А. А. Гаврилова считает своеобразные удила с двумя изогнутыми отростками, часто зооморфными, в принципе повторяющие очертания эсовидных псалий³⁶. Однако по своей конструкции (сведенное до минимума окончание звеньев удила и большое внешнее кольцо) эти удила являются не развитием стержневых, а вариантом кольчатых псалий, где изогнутые отростки играют чисто декоративную роль. Помимо упомянутых А. А. Гаврило-

³⁴ А. А. Гаврилова. Указ. раб., стр. 81, 82, рис. 16.

³⁵ А. Д. Грач. Исследование могильников Улуг-Оймак и Улуг-Хорум, стр. 31.

³⁶ А. А. Гаврилова. Указ. раб., рис. 16, № 7, 8.

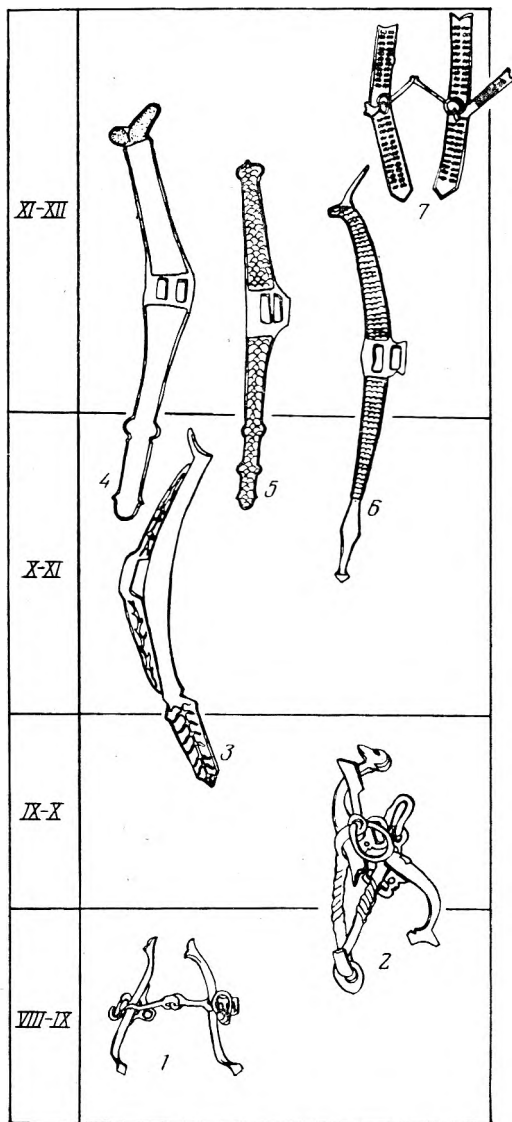

Рис. 8. Схема развития стержневых и пластинчатых псалий в Южной Сибири: 1 — Капча-лы I (по В. П. Левашовой); 2 — Уйбатский чаатас (по Л. А. Евтюховой); 3 — Эйлиг-Хем III (раскопки А. Д. Грача, 1965 г.); 4 — ГИМ, колл. 49439; 5 — Черная (раскопки Г. П. Сосновского, 1929 г. Гос. Эрмитаж, колл. 1548); 6 — ММ, колл. 6081; 7 — ММ (по Д. А. Клеменцу). Без масштаба

нейшем сами они также изменились. Пластина, крепившаяся на псалии, вообще исчезла. Псалий стал цельным, пластинчатым, с двумя вертикальными прорезами посередине (рис. 9). Одна прорезь надевалась на конец удил, другая служила для крепления (часто при помощи дополнительной обоймы) ремня оголовья (рис. 8, 4—6). Концы пластинчатых псалий по-прежнему оформлялись в виде пирамидки, башенки, сапожка или делались зооморфными. Апофеозом развития стержневых псалий

вой, несколько экземпляров таких удил имеется в собрании Минусинского музея³⁷.

Дальнейшее развитие стержневых псалий происходило, по-видимому, по-другому. Свя-зано это как с изменением кон-струкции самих удил, так и с иным оформлением псалий. Скоба на псалии, первоначаль-но круглая в сечении, постепен-но делалась все более плоской и часто принимала фигурные очертания (рис. 8, 1, 2). Затем фигурные скобы-петли превра-тились в длинные пластины, крепившиеся на концах псалия с вертикальной прорезью посе-редине для ремня оголовья (рис. 8, 3). Эти псалии по-прежнему употреблялись с уди-лами с внешними кольцами в виде восьмерки. Скорее всего появление длинных пластин, заменивших прежние скобы или петли, вызвало выпрямление самих псалий — они потеряли эсвидные очертания, сдела-лись прямыми или слегка во-гнутыми. Более разнообразным стало и оформление самих кон-цов псалий — зооморфные, в виде пирамидки, шишечки, ба-шенки, ажурные, в виде цветка, сапожка и т. д. Начиная с XI в. появился и принципиально но-вый тип удил — с упором. Их конструкция отличалась тем, что конец звена удил расковы-вался в виде плоской площадки с круглым отверстием, на кото-рую надевается псалий. В от-верстие на конце удил помеща-лось дополнительное **кольцо** для повода, и псалий оказывал-ся заключенным между ним и упором на стержне удил. По-скольку псалии не вставлялись теперь в кольцо удил, в даль-

³⁷ ММ, колл. 6693, 6091, 3189.

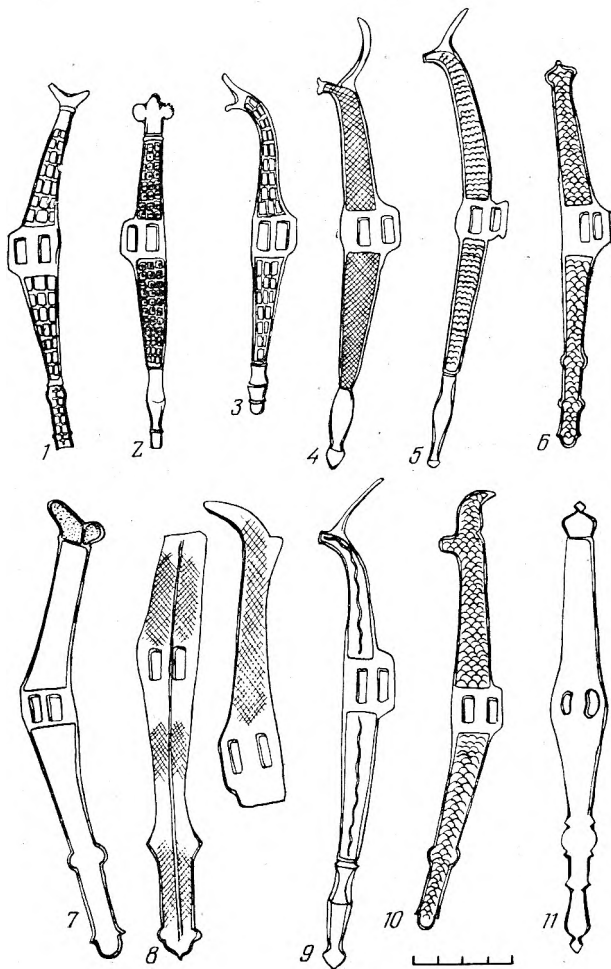

Рис. 9. Пластинчатые псаали XI—XIII вв. из Минусинской котловины: 1—5, 7—11 — ММ, колл. 6080, 6081, 6077, 3809, 6084, 125, 6076, 6078; 6 — Гос. Эрмитаж, колл. 1548 (железо с золотой и серебряной обкладкой)

стали большие пластинчатые псаали, склепанные из двух пластин длиной 35—40 см (рис. 8, 7). Известно всего три экземпляра таких псаалей (рис. 10)³⁸. Появление удил с упором повлияло также и на развитие круглых псаалей. В музейных собраниях имеется несколько круглых пластинчатых псаалей с двумя продольными прорезями, использовавшихся так же, как и пластинчатые стержневые псаали, в комбинации с удилами с упором (рис. 7, 7—9). Все это многообразие типов удил и псаалей характерно для X—XII вв. Начиная с XIII—XIV вв. повсеместно распространяются удила с большими внешними кольцами-треназелями, зажатými в окончаниях удил, типологически связанные со сrostкинскими. Они вытеснили все другие типы удил и псаалей и в таком виде существуют до настоящего времени.

Из других предметов убранства верхового коня следует отметить подпружные пряжки, застежки, тройники от перекрестия ремней и украшения узды. Рассматривать вопросы их типологии особенно сложно не столько из-за отсутствия предметных серий, сколько из-за простоты конструкции самих вещей. Тем не менее некоторые наблюдения в этом

³⁸ Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея металлических эпох. Томск, 1886. табл. XVIII; ММ, колл. 6074, 6075.

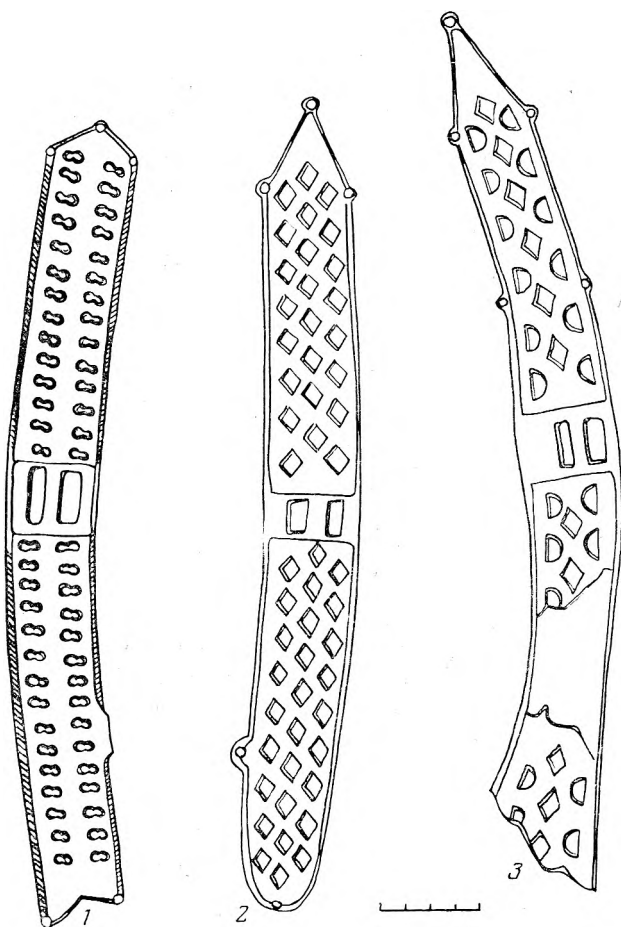

Рис. 10. Большие пластинчатые псаали из Минусинской котловины: 1, 3 — ММ, колл. 6074, 6075; 2 — Каменка V (раскопки Я. А. Шера, 1967 г.; железо с серебряной обкладкой)

направлении можно сделать. В погребениях Тувы и Минусинской котловины XI—XII вв. встречается два основных типа подпружных пряжек — округлые и вытянуто-прямоугольных очертаний. Пряжки вытянуто-прямоугольной формы делались чаще всего с вогнутыми сторонами, расширенным, фигурно оформленным и орнаментированным приемником³⁹. Пряжки с вогнутыми сторонами рамки обнаружены впервые в саяно-алтайских памятниках древнетюркского времени⁴⁰. Расширенные, а иногда и орнаментированные приемники на пряжках характерны для сросткинской культуры IX—X вв.⁴¹ К предметам снаряжения верхового коня могли относиться и характерные застёжки, состоящие из двух частей — рамки-приемника и крючка на длинной пластине, представленные в материалах Тувы и Минусинской котловины XI—XII вв.⁴² Кон-

³⁹ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века, табл. III, № 85—90.

⁴⁰ Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев. Указ. раб., рис. 32; А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве.— Тр. ТКАЭН, т. I, М.—Л., 1960, рис. 28.

⁴¹ М. П. Грязнов. Древняя история племен Верхней Оби, табл. LV, № 18, 19; ММ, колл. 8022.

⁴² Эйлиг-Хем III (раскопки А. Д. Грача, 1965 г.). Известны в большом количестве по сериям случайных находок (Государственный Исторический музей, колл. 49439, № 65, 498; Гос. Эрмитаж, колл. 3975, № 491; ММ, колл. 7915; Музей антропологии и этнографии, колл. 252, № 119, 120 и др.).

структивно к этим пряжкам близки двухсоставные застёжки из погребений сrostкинской культуры Северного Алтая⁴³ и Притомья⁴⁴.

Что касается предметов декоративного убранства узды, то набор накладных орнаментированных бляшек, характерный для древнетюркского времени, в начале II тысячелетия н. э. почти полностью исчез. Остались лишь немногие украшения, в прошлом характерные преимущественно для сrostкинской культуры. Это У-видные бляшки, длинные наконечники ремней и Т-видные тройники. У-видные бляшки в конце I тысячелетия н. э. встречались на Алтае как в Горной, так и в степной его части⁴⁵. Располагались они на ремне, как правило по вертикали, острыми углами заходя друг за друга. В том же порядке находят их в погребениях XI—XII вв. Например, в Каменке V было найдено 30 экземпляров таких бляшек, симметрично располагавшихся по сторонам узды. Т-видные тройники прямоугольных очертаний были характерны для культуры енисейских кыргызов и сrostкинской культуры. Известно только три случая находки Т-видных тройников в комплексах начала II тысячелетия н. э.⁴⁶ Очевидно, в это время они уже заменялись составными тройниками. Плоские наременные наконечники, наиболее широко представленные в памятниках сrostкинской культуры, составляли значительную часть и уздечных наборов начала II тысячелетия н. э.⁴⁷, но в целом система декоративного убранства узды в это время изменилась. Это особенно видно по материалам культуры Тувы и Минусинской котловины XI—XII вв. Здесь преобладали плоские накладки, различным образом орнаментированные. Специально минусинским типом, по-видимому, были бляхи вытянуто-треугольной формы, крепившиеся на кожаной основе шпеньками с квадратными прокладками. Часто употреблялись и подвесные шарнирные бляхи, простые и сложные — с двумя, тремя подвесками и колокольчиками. Убранство узды дополнялось начельником, состоящим из изогнутой пластины и короткой трубочки для султанчика. Крепились начельники также при помощи шпеньков с прокладками.

Все детали уздечных наборов в культуре Тувы и Минусинской котловины XI—XII вв. были украшены преимущественно геометрическим орнаментом, принципиально отличавшимся от растительной орнаментации древнетюркского времени. Основные мотивы орнамента — ряды ромбов, фестонов, треугольников, волнистые и зигзагообразные линии (ординарные и двойные), чешуйчатый, кружковый орнамент и т. д. Все элементы орнамента располагались в строгом композиционном ритме и сплошь покрывали лицевую сторону предмета. Кроме того, большая часть вещей была покрыта золотым или серебряным листком, расплавленным в огне погребального костра. Места, играющие роль функциональных узлов, например верхняя часть стремени, где находилось отверстие для путлища, или середина псаля, заходящего за звено удила, как правило, не орнаментировались. Верхняя из двух пластин была ажурной. При оформлении предметов одного уздечного набора использовались одни и те же орнаментальные мотивы.

В целом исследование предметов снаряжения верхового коня позволяет нам сделать один существенный вывод — практически все его элементы появились ранее XIII—XIV вв. и имеют прототипы в памятниках древнетюркского времени. В предмонгольское время перемещение

⁴³ М. П. Грязнов. Археологическое исследование одного древнего поселка.— КСИИМК, вып. X, 1951, рис. 30, № 198.

⁴⁴ «Басандайка». — «Сб. материалов и исследований по археологии Томской области», Томск, 1947, табл. 35, № 16, 67; табл. 50, № 55, 58, и др.

⁴⁵ А. А. Гаврилова. Указ. раб., рис. 9, 11.

⁴⁶ Пазырык, большой курган 5 и Часовенная гора, могила 1 (А. А. Гаврилова. Указ. раб., рис. 12, 13); Черная, раскопки Г. П. Сосновского, 1929 г. (Гос. Эрмитаж, колл. 1548, № 12, 13).

⁴⁷ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века, рис. 43, 44.

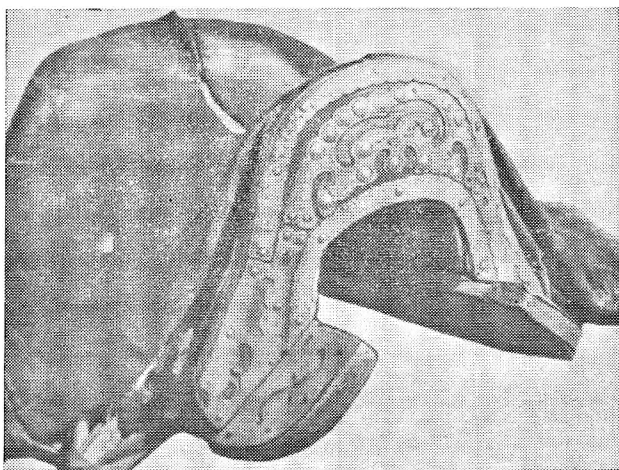
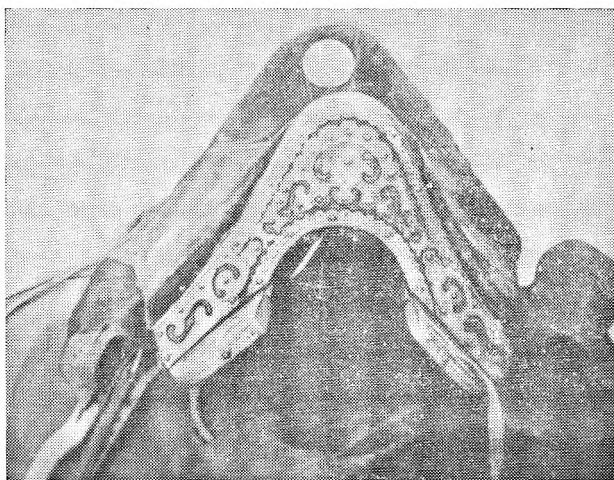

Рис. 11. Два типа современного теленгитского седла:
1 — с высокими подтреугольными луками; 2 — с широкими округлыми луками

значительных масс населения, широкий приток новой информации и стирание собственных этнических традиций должны были привести к значительной эклектике. Отсюда такая множественность форм и типов предметов конского убранства в материалах XI—XII вв. Затем постепенно победило и осталось в общественной практике только самое рациональное и необходимое из созданного различными культурными традициями. Можно предполагать, что в этом процессе важная роль принадлежала кимако-кыпчакской этнокультурной среде, так как больше всего параллелей уздечным наборам, стремянам и удилам встречается именно в рамках сrostкинской культуры, этническая принадлежность которой с наибольшим основанием может быть определена как кимакская⁴⁸. Только в XII—XIII вв. и позже сложился наиболее эффективный и поэтому общеупотребительный комплекс предметов конского снаряжения, мно-

⁴⁸ Д. Г. Савинов. К этнической принадлежности сrostкинской культуры.— В сб. «Происхождение аборигенов Сибири и их языков (материалы Всесоюзной конференции)», Томск, 1973, стр. 189—192.

гие элементы которого без значительных изменений живут до настоящего времени.

Подробно проследить развитие снаряжения верхового коня у народов Южной Сибири во второй половине II тысячелетия н. э. пока не представляется возможным. Бурные события политической истории, только начавшееся исследование памятников нового времени и проблема этнической интерпретации археологических культур значительно затрудняют ретроспективные возможности этнографии Южной Сибири. Тем не менее этнографические материалы, к сожалению, еще мало исследованные и опубликованные, показывают, что в основе современно-

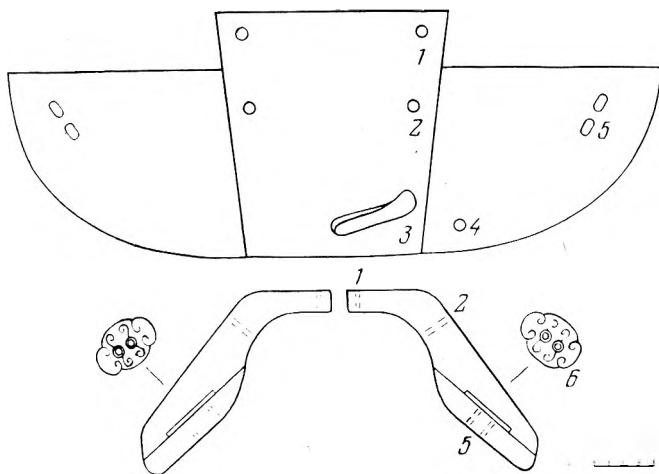

Рис. 12. Полка современного теленгитского седла: 1 — отверстия для скрепления полок; 2 — отверстия для крепления лук; 3 — отверстие для путлища; 4 — отверстие для подпруги; 5 — отверстия для крепления тороков; 6 — серебряные накладки, покрывающие отверстия для крепления тороков

го убранства верхового коня у якутов, алтайцев, хакасов, тувинцев лежат традиции культуры предмонгольского времени. Так, седла с широкими округлыми луками сохраняются у якутов, причем в данном случае близка не только форма лук, но и приемы их декорировки⁴⁹. У западных тувинцев сохраняются круглые бляхи с ажурным краем⁵⁰ и эсвидные перемычки внутри внешних колец удил⁵¹, сопоставимые с кольчатыми псалями с эсвидными отростками; у хакасов — металлические оковки лук и полок, начальники⁵² и т. д.

Наибольший интерес в этом отношении представляют теленгиты — один из народов Южного Алтая⁵³, этническая история которого уходит своими корнями в средневековье. Впервые упомянутые письменными источниками в составе конфедерации телеских племен (*доланьге*) в Монголии⁵⁴ теленгиты (*теленгугы*) затем, по данным Рашид ад-Дина, переселились «по ту сторону страны кыргызов», т. е. в Саяно-Алтай⁵⁵. В этой связи важно одно предание, записанное Г. Н. Потаниным, о

⁴⁹ «История Якутской АССР», т. I. М.—Л., 1955, рис. 72.

⁵⁰ ГМЭ, колл. 623—63, № 1—4.

⁵¹ С. И. Вайнштейн. История народного искусства Тувы. М., 1974, рис. 58.

⁵² ГМЭ, колл. 2401, № 90—92, 209—211 и др.

⁵³ Исследование теленгитов проводилось автором в 1971—1973 гг. в Кош-Агачском районе Горно-Алтайской автономной области.

⁵⁴ Л. П. Потанов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, стр. 158, 159.

⁵⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1. М., 1952, стр. 123.

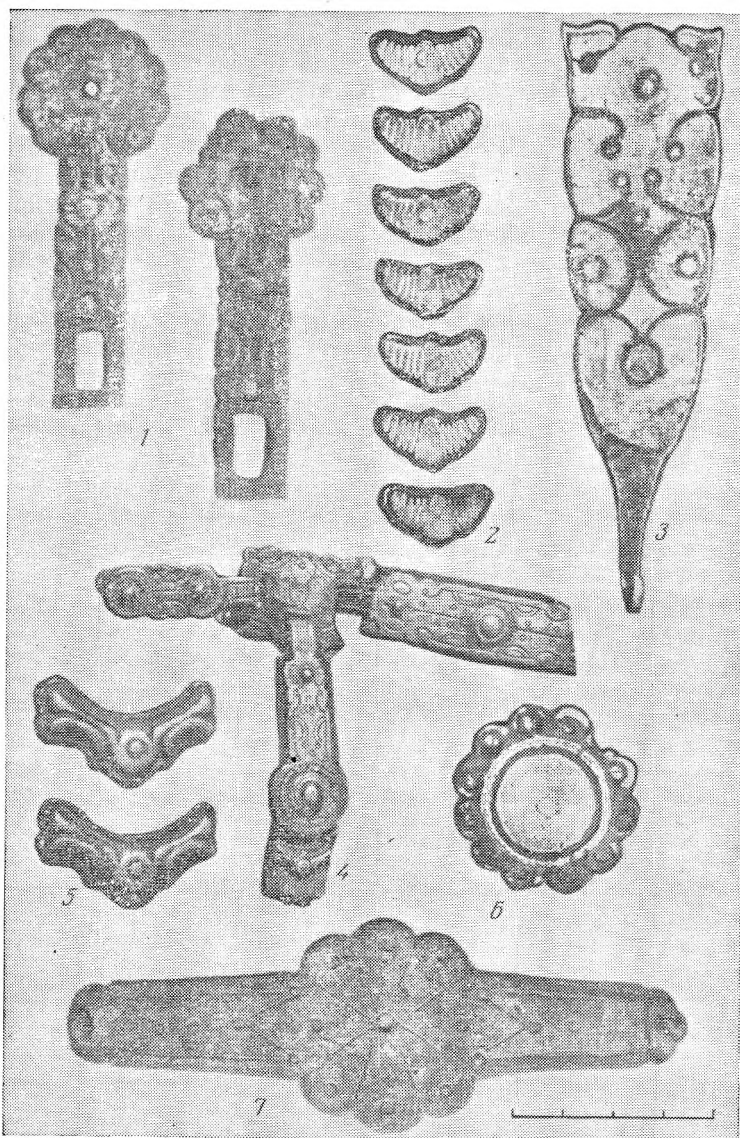

Рис. 13. Древние элементы в материальной культуре теленгитов: 1 — детали двухсоставных застежек; 2 — серповидные бляшки; 3 — крючок; 4 — тройник; 5 — U-видные уздечные бляшки; 6 — круглая бляха с ажурным краем; 7 — налобник (железо с серебряной обкладкой)

приходе теленгитов из страны Конграй-Сагай — Сагайской степи в Минусинской котловине⁵⁶. Часть теленгитов под названием телек (*делег*) проживает и сейчас в Туве⁵⁷. Эти данные, несмотря на их малочисленность, позволяют предполагать более широкое расселение теленгитов в прошлом и относить его к довольно раннему времени.

У населения Южного Алтая (казахи, теленгиты) до настоящего времени употребляются седла с поставленными по-разному луками различной формы. Одно — с вертикально подтреугольными луками, другое — с широкими округлыми луками (рис. 11). Передняя лука поставлена относительно полок вертикально, задняя сильно наклонена назад. Луки

⁵⁶ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV. СПб., 1883, стр. 7.

⁵⁷ Л. П. Потанов. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, стр. 71, 72.

по всей площади покрыты лицевыми серебряными обкладками, причем основания лук, как правило, украшаются отдельными пластинами. Возможно, это восходит к тому времени, когда украшались только верхняя, «парадная», часть лук, а основания их как новая чисто конструктивная деталь не украшались. Торцевые части лук и полок покрывались изогнутыми кантами и оковками, а выступающие плоскости полок — сплошными пластинами типа часовенногорских. Полки у всех седел одинаковые — плоские с прямым нижним краем и выступом в виде площадки наверху. Отличается только форма выступа: у седел с прямо поставленными луками — прямоугольная, у седел с широкими арочными луками один конец косо срезан в соответствии с углом наклона задней луки. На выступе имеются четыре отверстия — верхние для соединения полок между собой, нижние — для крепления лук через отверстия с тыльной стороны (рис. 12). Полки соединяются между собой при помощи этих выступов, что создает на спине коня наиболее прочную основу для постановки лук. Таким образом, результатом развития седла во II тысячелетии н. э. явилось как бы перемещение твердой лопасти с нижнего края на верхний, и поиск наиболее рационального решения конструкции седла завершился.

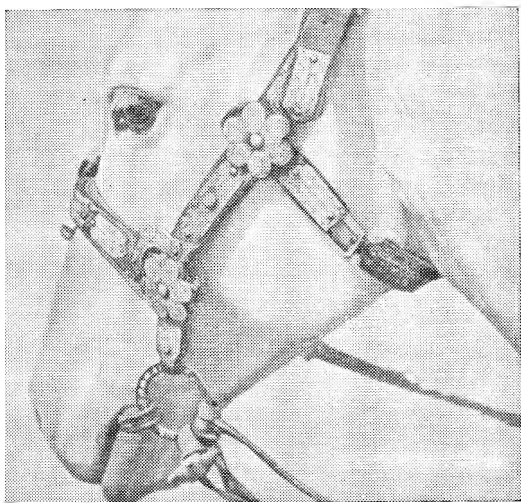

Рис. 14. Двухсоставная застёжка, длинные наконечники ремней и налобник на современной теленгитской узде. Сайлюгемская степь (фото автора)

Показательны и уздечные наборы у теленгитов. Составные тройники здесь, помещающиеся в месте перекрестия нащечного ремня и оголовья (рис. 13, 4), представляют собой сильно измененную форму Т-видных тройников. На современной теленгитской узде используются также двухсоставные застёжки (рис. 13, 1, рис. 14), аналогичные предметам из погребений XI—XII вв. То же можно сказать и об У-видных и серповидных бляшках, симметрично расположенных на теленгитской узде (рис. 13, 2, 5). Налобный ремень украшается налобником в виде изогнутой пластины с круглой или четырех — шестилепестковой розеткой посередине (рис. 13, 7, рис. 14). Совершенно очевидно, что современные налобники — это слегка измененные и переместившиеся вниз начельники, столь широко распространенные в культуре Южной Сибири предмонгольского времени. Некоторые украшения, входившие ранее в состав убранства верхового коня, у теленгитов оказываются перемещенными на предметы иного предназначения. Так, на одной охотничьей сумке посередине помещается круглая выпуклая бляха с ажурным краем (рис. 13, 6), аналогичная седельным кольцам на лицевых сторонах лук начала II тысячелетия н. э. Здесь же находится крючок на пластине (рис. 13, 3), ранее использовавшийся как деталь двухсоставных застёжек; плоские наременные наконечники близки росткинским (рис. 14), и т. д.

Это можно объяснить тем, что, оказавшись в состоянии относительной изоляции в южных районах Горного Алтая, теленгиты, по-видимому, сохранили в наибольшей степени то убранство верхового коня, которое постепенно складывалось в Южной Сибири на протяжении II тысячелетия н. э.

THE EVOLUTION OF THE EQUIPMENT OF RIDING HORSES
(EARLY 2nd MILLENIUM A. D.)

The process by which the whole complex of riding horse equipment was formed among the peoples of southern Siberia early in the 2nd millenium, the period least studied by researchers, is examined in the paper.

The author analyses material uncovered by Soviet scholars and connects it up with data from written sources. Investigation has shown that practically all the elements of riding horse harness had emerged prior to the 13th and 14th centuries and go back to early Turkic times. The plurality of forms and types of harness in pre-Mongolian times (11th—12th centuries) is due to the effacement of local ethnic traditions in the course of great migrations. Subsequently a most effective and functional harness complex came into being. An important role was played in this by the Kimak-Kipchak ethnocultural environment. Modern riding horse equipment among the Yakuts, the Tuva, the Altayans, the Khakass derives from pre-Mongol traditions. By studying present-day harness among the Telengits we are enabled to trace a resemblance between the cultures of Southern Altay and the 11th—12th century culture of Tuva and the Minusinsk Hollow.